

Газета - 2003 - 4 марта - с. 15

ПОСМОТРИ В ГЛАЗА ЧУДОВИЩ

АНТОН ПОМЕЩИКОВ

Трагик Ник Кейв — величина, безусловно, культового масштаба. Внешне отдаленно напоминающий Франкенштейна, Кейв, пожалуй, фигура еще более мрачная, грозная и драматичная. Встретишь такого на улице и сразу подумаешь, что тому прямиком дорога в клинику Маршака.

Сейчас Николасу Эдварду Кейву сорок пять. Прошла целая эпоха с того момента, когда это имя впервые появилось на страницах музыкальных изданий. Сменялись европейские политические формации, отгремела панк-революция, культурный андеграунд, хлебнув новой волны диссидентской эстетики, разродился невообразимым количеством оригинальных, а подчас безумных или кичливых творческих форм, в общей массе которых причудливым цветом расцвела независимая музыка, альтернатива, independent. Одной из тычинок, загадочной, мистической и одиозной, в нем явился Кейв.

История группы Кейва The Bad Seeds началась в Берлине в середине восьмидесятых, где благодаря их знакомству с германской роковой андеграунда, возглавляемой экстремистами Einstürzende Neubauten во главе с Блиской Баргельдом, и образовался коронный состав группы Кейва.

Первые альбомы The Bad Seeds были полны угара, искореженного блюза, мрачных истерик и дикой агрессии, но были прямолинейны и однозначны. Никакого второго дна, лишь точные, прицельные энергетические выстрелы в головы слушателей. Кейв истерил, корчился на сцене и выглядел стопроцентным немецким панком того времени.

Затем наступила пора творческих мутаций, движения стали более осознанными, а во взгляде исподлобья стало читаться некое тайное знание о мироустройстве. Так Кейв постепенно стал превращаться в рок-философа. Тогда же сформировались основные темы его творчества: отношения с Богом, потери, трагическая любовь, разочарования, нищета, насилие, смерть. Он — герой ночи, волк, воющий своим проникновенным баритоном на луну, скорее выставляющий, а не поющий болезненные, рвущие душу песни. Любая из них переполнена жизненными подробностями, повествуящими о конкретных людях. В то же время сам Кейв, чистящий авгиевы конюшни своей души, поднимается в песнях до уровня философского осмысления тщеты и суеты.

Ярче всего Кейва характеризуют девять вещей, названных им самим в качестве наиболее повлиявших на его творчество.

1. Владимир Набоков, «Лолита».
2. Федор Достоевский, «Преступление и наказание», особенно сцена убийства.
3. Библия.
4. Живопись, учеба в Художественном колледже.
5. Боб Дилан — «Slow Train Coming».
6. Джон Ли Хукер.
7. «Badlands» — фильм Теренса Малика.
8. Анита Лейн, когда-то его девушка, одна из The Bad Seeds.
9. Люк, его сын. Кейв тактично не стал добавлять в этот шорт-лист алкоголь, героин, а также менее тяжелые, но столь же влияющие на творческий путь и творческий взгляд наркотические вещества. Справедливо полагая, что слушателю и так все понятно. Достаточно лишь посмотреть Нику в глаза.

Но агрессия в творчестве Кейва на нынешнем этапе иссякла. Все его работы после альбома «Murder ballads» полны упаднического балладного духа, в котором напрочь отсутствует та животная иступленность, за которую все его так крепко и истово полюбили.

Новый альбом Кейва «Nocturama» был записан всего за неделю, в порядке свободной импровизации, в промежутке между концертами австралийского турне. И поначалу кажется, что Ник продолжает тихо тосковать, окончательно вычеркнув из своего музыкального лексикона слово «адреналин». Фанаты прежних The Bad Seeds тихо тоскуют вместе с гуру, заламывая руки от горечи, что времена всего бешеного и яростного и в этот раз миновали, так и не начавшись. Трагический бубнеж (мрачно-сказочно-красивый притом) продолжается ровно четыре песни, взрываясь вдруг номером «Мертвец в моей постели» — грязным, громким, отвязным панк-роком. Затем на альбоме снова наступает грустная муть, блюзовой дымкой расплываясь по венам и утихомиривая подпрыгивающее сердце. А оно сжимается от боли — ах, каким он парнем был! — но былого драйва не вернуть. И уже кажется вполне логичным, что пора Кейву переселяться в дельту Миссисипи и снова топить в ней Кайли Миноуг. Как вдруг...

Приводят Вия. Тот открывает глаза и орет: «Детка, я сгораю!!!» в сопровождении ВИА «Дикие гитары».

И продолжает истошно вопить и беситься пятнадцать минут кряду. И бешенство это сказочно прекрасно. Оно пронзает мощью той же силы, что и ранние альбомы The Bad Seeds и звучит так, словно Кейв сбросил с плеч десяток-другой лет. Это все о номере десятом, завершающем пластинку «Babe, I'm On Fire». Сорок куплетов огненной мощи в стиле «срывай одежду, я больше не могу».

Предваряя выход этого альбома, Кейв сказал, что название «Nocturama» трактуется как «место, в котором обитают ночные животные». Среди козочек и трепетных ланей, какими выглядят большинство песен альбома, последняя в таком случае — монстр, свирепый и яростный, с клыками и огромной пастью, сверкающими глазами величиной с блюдце. Этот зверь — прежний Ник.

По сути, финальная песня — оправдательный приговор мудрому старцу, все чаще склоняющемуся к философствованию в ущерб чистым энергетическим выбросам. Кейв мог бы выпустить этот ураган отдельным альбомом, и его поклонникам хватило бы этого с лихвой. Правда, не надолго. Срочно требуется добавка! Срочно! Кейв, детка, я сгораю!